

Серафимов В.В.

к.ю.н., доцент, доцент кафедры морского
и таможенного права
Национального университета
«Одесская юридическая академия»
(г. Одесса, Украина)

УДК 341.1/8

ПЕРВАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ 1958 ГОДА: ВОПРОСЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО МОРЯ И ПРИЛЕЖАЩЕЙ ЗОНЫ

В статье рассмотрены наиболее актуальные вопросы, связанные с определением правового статуса и режима использования территориального моря, рассматривавшиеся в ходе проведения Первой конференции ООН по морскому праву 1958 года. Отмечается исторический вклад Первой конференции в кодификацию и прогрессивное развитие международного публичного морского права. Положительная оценка итогов конференции не означала, что принятыми ею конвенциями были решены все вопросы международного морского права или что все их положения считались неизменными. Конвенции, принятые по итогам проведения Конференции – об открытом море, о территориальном море и прилежащей зоне, о континентальном шельфе, о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря – получили широкое признание государств, ставших их участниками, положили начало кодификации и прогрессивному развитию современного морского права.

Ключевые слова: морское право, кодификация и прогрессивное развитие морского права, Первая конференция ООН по морскому праву 1958, территориальное море, выходные линии.

Серафимов В.В. Перша конференція ООН з морського права 1958 року: питання територіального моря та прилеглої зони. – Стаття.

У статті розглянуті найбільш актуальні питання, пов'язані з визначенням правового статусу та режиму використання територіального моря, які розглядалися в ході проведення Першої конференції ООН з морського права 1958 року. Відзначається історичний внесок Першої конференції в кодифікацію і прогресивний розвиток міжнародного публічного морського права. Позитивна оцінка підсумків конференції не означала, що прийнятими нею конвенціями були вирішені всі питання міжнародного морського права або що всі їхні положення вважалися незмінними. Конвенції, прийняті за підсумками проведення

Конференції – про відкрите море, про територіальне море та прилеглу зону, про континентальний шельф, про рибальство та охорону живих ресурсів відкритого моря – отримали широке визнання держав, що стали їх учасниками, поклали початок кодифікації і прогресивному розвитку сучасного морського права.

Ключові слова: морське право, кодифікація і прогресивний розвиток морського права, Перша конференція ООН з морського права 1958, територіальне море, вихідні лінії.

Serafimov V.V. The First UN Conference on the Law of the Sea, 1958: the Question of the Territorial Sea and the Contiguous Zone. – Article.

The article deals with the most pressing issues related to the definition of the legal status and regimes of the territorial sea considered in the course of the First United Nations Conference on the Law of the Sea in 1958. The historical contribution of the First Conference of the codification and progressive development of public international law of the sea is highlighted. The positive evaluation of the Conference did not mean that the adopted conventions solved all questions of international maritime law, nor that their provisions are unchangeable. The Convention on the Territorial Sea and the Contiguous Zone, the Convention on Fishing and Conservation of the Living Resources of the High Seas, and the Convention on the Continental Shelf were adopted at the end of the Conference and are widely recognized by states which have become parties to them, as well as marked the beginning of the codification and progressive development of the modern law of the sea.

Keywords: maritime law, codification and progressive development of the law of the sea, the first UN Conference on the Law of the Sea in 1958, territorial sea, baselines.

Первая конференция ООН по морскому праву 1958 года признается важнейшим этапом его кодификации и прогрессивного развития. Историческое значение этого международного форума трудно переоценить: впервые на общемировом уровне были установлены нормы о правовом статусе и режиме использования морских пространств – не только прибрежных, но и открытого моря, не только водных, но и континентального шельфа: закреплено право мирного прохода судов под иностранными флагами в территориальном море – принципа, развитие которого началось во времена средневековья. Практически все вопросы, рассматриваемые на конференции, вызвали активное обсуждение и споры, при этом, некоторые из них получили наибольший резонанс: вопрос о ширине территориального моря, об исходных линиях для отсчета его ширины, о заливах и праве мирного прохода через территориальное море. Сегодня, в преддверии 60-летнего юбилея конференции, представляется особенно интересным вспомнить

наиболее важные вопросы, обговариваемые делегациями государств в рамках этого международного конгресса.

Темы, связанные с подготовкой и проведением I Конференции ООН по морскому праву 1958 года, достаточно часто поднимались и в отечественной (А.Л. Колодкин [1], Л.А. Иванашенко [2; 3], С.В. Молодцов [4], А.Н. Николаев [5]) и зарубежной (Б. Бот [6], А. Гамильтон [7], А. Дин [8], Е. Паллуа [9]) правовой литературе середины прошлого века, что было обусловлено активным их обсуждением практически во всех государствах мира. В последнее время эта конференция рассматривается преимущественно в учебной литературе (С.А. Кузнецов, Т.В. Аверочкина [10]) и в исторических очерках развития современного морского права [11; 12], что актуализирует интерес к официальным документам I Конференции ООН по морскому праву 1958 года, ставшими основным эмпирическим материалом для настоящей статьи.

Вопрос о ширине территориального моря был одним из ключевых в работе конференции и вызвал самую острую и продолжительную дискуссию. Комиссия международного права, занимавшаяся им с начала своей работы над пакетом конвенций по морскому праву, не смогла прийти к единому мнению по этому вопросу. В ходе проведения конференции отмечалось, что в области морского права уже существуют сложившиеся общепризнанные международные нормы, которые соответствуют потребностям времени. Однако, по мнению других делегаций, это были положения, содержащиеся в национальных законах некоторых стран, принятых еще в XVI – XVIII веках, и которые вряд ли можно считать общепризнанными нормами международного права. Отмечалось, что регулирование режима территориального моря затрагивает жизненные интересы прибрежных государств, поскольку территориальное море имеет для них важное хозяйственно-экономическое и военно-оборонное значение. В обоснование указанной позиции делалась ссылка на вывод Комиссии международного права о том, что международное право допускает установление ширины

территориального моря в пределах до 12 миль, а также на сложившуюся практику, согласно которой прибрежные государства сами определяют ширину этих вод, исходя из своих географических и иных условий, а также экономических, оборонных и других интересов в пределах, как правило, от 3 до 12 морских миль.

На конференции также указывалось, что трехмильный лимит территориального моря не является ни единственно применяемым, ни единственно признанным. Так, из 63 государств, данными в отношении которых располагала конференция, около 40 государств имеют ширину территориального моря, превышающую 3 мили. Приводились исторические факты, свидетельствующие о том, что правило 3 миль с самого начала своего существования не было общепризнанной нормой международного права. Например, ширина испанского территориального моря еще в середине XVIII века была определена в размере 6 миль. В тот же период датско-норвежской монархией применялся четырехмильный лимит территориального моря, и на Гаагской конференции 1930 года норвежская и шведская делегации указывали, что четырехмильный лимит старше трехмильного, который так и не получил признания в качестве международной нормы и не был принят этой конференцией.

Делегации Индии и Мексики совместно внесли предложение, согласно которому «каждое государство имеет право устанавливать ширину своего территориального моря в пределах 12 морских миль, отмеряемых от базисной линии, которая может быть применена в соответствии со ст.ст. 4 и 5» [13, р. 233]. В своем выступлении индийский представитель заявлял, что «он не может согласиться с представителем Соединенного Королевства о том, что трехмильный лимит является действующей международно-правовой нормой; но он не может согласиться и с тем, что должна признаваться ширина большая, чем 12 миль». «Индийское правительство, – заявил он, – считает возможным обсудить вопрос, должна ли конференция

рекомендовать определенную ширину для территориальных вод. Может быть, благоразумнее предоставить прибрежному государству определенную свободу в установлении в известных пределах – скажем, 12 миль – ширины, которую оно найдет соответствующей своим специфическим условиям. Статья, сформулированная таким образом, могла бы иметь лучшие шансы на получение единодушной поддержки» [13, р. 15].

Мексиканская делегация согласилась с теми делегациями, которые утверждали, что так называемое трехмильное правило никогда не было общепризнанным даже в то время, когда оно получило свое наиболее широкое применение [13, р. 64].

Мексиканская делегация сослалась на решение Межамериканского совета юристов, принятое в Мехико в январе 1956 года. Это решение («принципы Мехико») в части ширины территориальных вод гласит: «Во-первых, дистанция в 3 мили, как лимит территориального моря, является недостаточной; во-вторых, эта ширина не представляет собой общей нормы международного права, в-третьих, расширение территориального моря является оправданным; в-четвертых, каждое государство компетентно устанавливать ширину своего территориального моря, принимая во внимание географические, геологические и биологические факторы, при условии, что оно делает это в разумных пределах». Мексиканская делегация отметила, что почти две трети из 74 морских государств, представленных на конференции, установили или претендуют на территориальное море большей ширины, чем в 3 мили; в большинстве случаев эта ширина не превышает 12 миль [13, р. 64].

Делегация Перу внесла предложение, в котором в отличие от вышеупомянутых предложений не указывался конкретный предел ширины территориальных вод, но перечислялись те факторы, которые прибрежное государство должно учитывать при определении этой ширины («географические, геологические и биологические факторы, а также экономические потребности своего населения и свою безопасность и оборону») [13, р. 247].

Некоторые делегации останавливались на причинах разногласий между большими и малыми странами по вопросу ширины территориальных вод. Так, представитель Иордании в своем выступлении заявил: «Уже ясно, что среди делегаций конференции имеются два различных взгляда на ширину территориального моря. Великие морские державы хотят узкую зону моря, не превышающую 3 морские мили по ширине. Малые страны хотят более широкую зону в 12 миль или даже больше. Причины такого разногласия нетрудно заметить. Великие морские державы заинтересованы главным образом в поддержании свободы открытого моря, которую они используют для своей выгоды. Малые страны заинтересованы главным образом в защите своих собственных берегов» [13, р. 18].

Делегации государств, возражавших против расширения территориальных вод, указывали, что большинство прибрежных государств отрицает право других государств на рыболовство в своем территориальном море. Следовательно, если это море было бы расширено, население мира, которое увеличивается всевозрастающим темпом, лишилось бы огромного и дешевого источника пищи. Так, делегация Англии, выступая против канадского предложения, согласно которому государство может иметь помимо трехмильных территориальных вод двенадцатимильную рыболовную зону, в которой оно может осуществлять исключительное право на рыбный промысел, заявила, что установление двенадцатимильной рыболовной зоны другими государствами нанесло бы серьезный ущерб экономическим интересам английского народа, который обеспечивается рыбой главным образом судами, добывающими рыбу в водах, расположенных далеко за пределами Англии [13, р. 104].

Они утверждали, что поскольку не существует права мирного пролета самолетов над территориальными водами, то расширение полосы этих вод ограничит свободу полетов над открытым морем. Говорилось также, что во время войны нейтральные государства будут иметь большие трудности в охране более широкой полосы

территориальных вод против вторжения кораблей воюющих сторон. Английская делегация подготовила и разослала всем другим делегациям карты, на которых были нанесены границы двенадцатимильной полосы территориальных вод в ряде районов мира, с тем чтобы показать «ущерб», который будет нанесен международным морским и воздушным коммуникациям в результате расширения государствами своих территориальных вод до 12 миль. При этом было особенно подчеркнуто, что установление двенадцатимильных территориальных вод в узких морских местах якобы вызовет затруднения и приведет к осложнению отношений между государствами.

Делегации этих стран выражали ту мысль, что односторонние претензии на широкие территориальные воды не только не имеют поддержки в международном праве, но и противоречат общепризнанному принципу свободы морей. В этой связи английский делегат сослался на решение Международного Суда по англо-норвежскому спору, в котором указывается, что разграничение морских районов всегда имеет международный аспект и не может зависеть только от воли прибрежного государства, как она выражена в его национальном законе. В этом же духе высказался и представитель Нидерландов, заявивший, что «тот факт, что отдельные государства расширяют свой морской суверенитет посредством односторонних действий, не создает для других государств обязанности соглашаться с таким расширением» [13, р. 11].

Делегация Франции также твердо стояла на позиции трехмильного правила, подчеркивая при этом, что оно не отрицает специальную юрисдикцию прибрежного государства в прилегающей зоне. «Французское правительство, — заявляла делегация, — уверено, что ширина в 3 мили является разумной, и будет поддерживать эту позицию на конференции» [13, р. 19].

Выражая общую позицию этих государств, американская делегация предложила, чтобы «ст. 3 проекта Комиссии международного права была изменена таким образом, чтобы в ней было недвусмысленно сказано, что ширина

территориального моря не должна превышать 3 миль или 1 морской лиги» [13, р. 26].

Делегация Англии в виде компромисса внесла предложение, в котором предусматривалось, что «лимит ширины территориального моря не должен превышать 6 миль», но что «расширение (территориального моря) до этого лимита не будет затрагивать существующие права полета самолетов и прохода судов, включая военные суда за пределами 3 миль» [13, р. 248].

Хотя данное предложение было значительным шагом по пути отступления Англии от «традиционного» трехмильного лимита, которого она придерживалась с 1878 года, тем не менее ввиду содержащихся в нем серьезных оговорок относительно права полетов самолетов и прохода судов оно было расценено многими делегациями как явно неприемлемое. Отрицательную позицию в отношении этого английского предложения заняла и делегация США.

За несколько дней до голосования предложений в комитете делегация США внесла новое предложение, в котором указывалось, что «максимальная ширина территориального моря, на которую может претендовать любое государство, — 6 миль». В предложении предусматривалось далее, что «прибрежное государство будет иметь в зоне шириной максимум 12 миль... те же права в отношении рыболовства и эксплуатации живых ресурсов моря, какие оно имеет в своем территориальном море». Однако эти права прибрежного государства ограничивались двумя существенными оговорками: 1) резервировались права иностранцев на рыболовство в этой зоне, приобретенные ими на основании «уже существующих или могущих быть заключенными в будущем двусторонних или многосторонних соглашений»; 2) «граждане любого государства, жители которого регулярно занимались рыболовством в этой зоне в течение десяти лет, непосредственно предшествующих подписанию настоящей конвенции, будут иметь право заниматься рыбным промыслом в той части этой зоны, которая расположена за внешней границей территориального моря данного прибрежного государства» (т. е. за

пределами 6 миль от исходной линии, от которой отсчитывается территориальное море). «Такие граждане других государств, – говорилось далее в предложении США, – занимаясь рыболовством в указанной части зоны, должны будут соблюдать там такие правила сохранения морских ресурсов, которые совместимы с правилами рыболовства, одобренными конференцией, и с другими нормами международного права». Оговаривалось также, что любой спор, касающийся рыболовства или эксплуатации живых ресурсов моря, могущий возникнуть между государствами в результате применения настоящей статьи, должен быть по просьбе одного из них передан на разрешение арбитража, предусмотренного в проекте конвенции о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря, если стороны не согласились о другом методе разрешения спора [13, р. 253].

Вслед за американским предложением было внесено совместное предложение Канады, Индии и Мексики, которое гласило:

«1. Государство имеет право устанавливать ширину своего территориального моря до предела в 6 морских миль, отмеряемых от исходной линии, которая может быть проведена в соответствии со статьями 4 и 5 проекта, при условии, что если до 24 февраля 1958 г. государство провозгласило ширину своего территориального моря, превышающую таким же путем отмеряемые 6 морских миль, установленная таким образом ширина является шириной его территориального моря до расстояния, не превышающего 12 морских миль, отмеряемых аналогичным образом.

2. Государство, когда ширина его территориального моря менее 12 морских миль, отмеряемых вышеуказанным образом, имеет рыболовную зону, прилежащую к его территориальному морю, простирающуюся до 12 морских миль от исходной линии, от которой отмеряется ширина его территориального моря, в которой оно имеет в отношении рыболовства и эксплуатации живых ресурсов моря те же права, что и в своем территориальном море» [13, р. 232].

В итоге ни одно из предложений по вопросу о ширине территориальных вод, не собрав требуемых двух третей голосов, не было принято конференцией.

В принятой по этому вопросу резолюции конференция отмечает, что «не оказалось возможным достичь соглашения о ширине территориального моря и по некоторым другим вопросам, обсужденным в связи с этой проблемой»; конференция признала «желательность дальнейших усилий для достижения в надлежащее время соглашения по вопросам международного морского права, которые остаются неразрешенными», и просила Генеральную Ассамблею ООН «рассмотреть на ее тринадцатой сессии вопрос о целесообразности созыва второй международной конференции полномочных представителей для дальнейшего рассмотрения вопросов, оставшихся неразрешенными на настоящей конференции» [14, p. 145].

Таким образом, хотя вопрос о ширине территориальных вод не был решен конференцией, следует отметить, что трехмильный лимит ширины территориальных вод даже не был поставлен на голосование ввиду его явной неприемлемости для большинства государств, а шестимильный лимит (при голосовании первого канадского предложения) был поддержан лишь 11 странами. Что касается двенадцатимильного лимита, то он был поддержан многими участниками конференции, и поэтому его положение стало еще более прочным.

Исходные линии для отсчета территориальных вод. Значительное внимание на конференции было уделено вопросу об исходных линиях для отсчета ширины территориальных вод.

В ст. 4 проекта Комиссии международного права в качестве нормальной исходной линии, от которой должна отмеряться ширина территориальных вод, указывалась линия наибольшего отлива вдоль берега. Это положение не встретило на конференции возражений по существу, и проект этой статьи с некоторыми редакционными изменениями был принят конференцией.

Что касается ст. 5 проекта, в которой предусматривалось проведение прямых исходных линий в тех случаях, когда берег

очень извилист или изрезан или имеются острова в непосредственной к нему близости, то она вызвала продолжительную дискуссию, в ходе которой выявились две основные позиции: 1) к ограничению длины прямых исходных линий до 10 миль [13, р. 212-254]; 2) не устанавливать предельной длины исходных линий.

В результате голосования проект ст. 5, предложенный Комиссией международного права, был заменен проектом, представленным делегацией Великобритании, который предусматривал установление пятнадцатимильного предела длины исходной линии [13, р. 161]. При голосовании ст. 5 на пленарном заседании конференции текст, принятый комитетом, был одобрен, но без положения, предусматривавшего пятнадцатимильный предел длины прямой исходной линии. Таким образом, не удалось добиться ограничения протяженности исходных линий для отсчета территориальных вод. Пункт 2 ст. 5 проекта не вызвал возражений.

Против п. 3 ст. 5 поступили возражения от ряда делегаций, однако впоследствии он был преобразован в самостоятельную статью (ст. 5 проекта конвенции). В эту же статью был внесен дополнительный пункт, предусматривающий, что воды, расположенные в сторону берега от исходной линии территориальных вод, составляют часть внутренних вод государства.

В итоге ст.ст. 4 и 5 проекта Комиссии международного права, касающиеся прямых исходных линий, были приняты конференцией (в качестве ст.ст. 3, 4 и 5 конвенции) без существенных изменений [13, р. 62-63].

Заливы. Активная дискуссия развернулась на конференции в отношении ст. 7 проекта Комиссии международного права, в которой давалось понятие залива и порядок отграничения территориальных вод от внутренних в таких заливах, берега которых принадлежат одному государству и которые не являются «историческими». Комиссия международного права в указанной статье предложила, чтобы длина исходной линии в таких заливах

не превышала 15 миль. Для прибрежных государств данный вопрос имел важное практическое значение, так как речь шла не просто о длине исходной линии в заливах, а об определении максимальной ширины входа в залив, ограниченного берегами одного государства, при которой воды такого залива признаются внутренними водами государства.

Делегации некоторых стран в своих выступлениях утверждали, что предложенная комиссией в качестве нормы максимальной ширины входа в такого рода заливы величина 15 миль слишком велика. Ее применение, по их мнению, приведет к значительному сокращению площади открытого моря и, следовательно, нанесет ущерб свободе использования открытого моря. Английская, немецкая и греческая делегации предложили уменьшить эту величину до 10 миль [13, р. 145]. Другие заявляли, что главный дефект предложенного Комиссией международного права 15-мильного предела состоит в том, что он не связан с допусаемым международным правом лимитом ширины территориальных вод, что может для многих государств при практическом применении его иметь нежелательные последствия. В самом деле, в случае принятия этого пятнадцатимильного предела те государства, ширина территориальных вод которых более 7,5 миль, вынуждены были бы пойти на сокращение своих территориальных вод в районах залива, так как при пятнадцатимильной ширине входа в залив государство не смогло бы иметь по обоим берегам залива, например, девятимильные территориальные воды, а это означало бы, что были бы ущемлены важные интересы прибрежного государства во имя чисто количественного, выбранного в значительной мере случайно, критерия.

Международный Суд ООН в своем решении по англо-норвежскому спору о рыболовстве от 18 декабря 1951 г. констатировал отсутствие такой нормы, указав, что так называемое десятимильное правило не является общепризнанной нормой международного права.

Также указывалось, что юридически обоснованная и практически целесообразная норма предельной ширины входа в заливы, воды которых признаются внутренними, должна быть выведена на основании допустимого с точки зрения международного права лимита ширины территориальных вод. Это значит, что в качестве такой нормы должна быть принята двойная величина максимального лимита ширины территориальных вод, то есть 24 мили [13, р. 32, 145]. Конференция также одобрила п. 4 ст. 7, в котором говорилось, что изложенные выше постановления не распространяются на так называемые «исторические» заливы и на те случаи, когда применяется система прямых исходных линий, предусмотренная в ст. 5. Принятое конференцией 24-мильное правило для отграничения территориальных вод от внутренних в заливах, берега которых принадлежат одному государству, соответствовало двенадцатимильному лимиту ширины территориальных вод и, по существу, подтверждало этот лимит.

В ходе обсуждения ст. 7 проекта японская делегация предложила включить в эту статью отдельным пунктом определение понятия исторического залива следующего содержания: «Термин «исторические» заливы означает такие заливы, над которыми прибрежные государства (одно или более) осуществляют эффективно суверенные права непрерывно в течение продолжительного периода при явно выраженном или подразумеваемом признании такой практики иностранными государствами». Против данного предложения выступило несколько делегаций, которые в своих выступлениях они указывали, что конференция не располагает достаточным временем для изучения этого сложного вопроса и что вообще трудно выработать какую-либо общую международно-правовую норму для такого рода заливов.

В итоге дискуссии по этому вопросу конференция по предложению индийской и панамской делегаций приняла резолюцию, в которой содержится просьба к Генеральной Ассамблее ООН принять соответствующие меры для изучения

правового режима исторических вод, включая «исторические» заливы, и чтобы результаты этих изучений были направлены всем государствам – членам ООН. Указанная резолюция была поддержана 77 государствами.

Следующие семь статей проекта (8 – 14), подготовленного Комиссией международного права на основе Гаагского проекта 1930 года, касались порядка отграничения территориальных вод в портах, рейдах, у островов, обсыхающих скал и банок, в проливах, у устьев рек, между двумя смежными государствами. На конференции, так же как и в Комиссии международного права, эти статьи не вызвали большой дискуссии.

Право мирного прохода. Вопрос о праве мирного прохода иностранных судов через территориальные воды государства [подробнее об этом: 15, с. 48-72] подвергся весьма детальному обсуждению.

Комиссия международного права в своем проекте приняла следующие основные положения: 1) при условии соблюдения правил, содержащихся в проекте, суда всех национальностей пользуются правом мирного прохода через территориальные воды; 2) под проходом понимается плавание через территориальные воды с целью или пересечь эти воды, не заходя во внутренние воды, или пройти во внутренние воды, или из внутренних вод в открытое море (ст. 15); 3) прибрежное государство не должно препятствовать мирному проходу через территориальные воды (ст. 16); 4) прибрежное государство может принимать в своем территориальном море необходимые меры, чтобы ограждать себя от каких-либо действий, причиняющих ущерб его безопасности или каким-либо другим из его интересов, которые оно вправе защищать, причем временно и в определенных районах государство может приостанавливать осуществление права мирного прохода, если находит, что это имеет существенное значение для защиты своих прав (ст. 17); 5) иностранные суда, осуществляя право прохода, обязаны соблюдать соответствующие законы и правила, издаваемые государством (ст. 18); 6) иностранные суда не могут облагаться никакими сборами

исключительно за проход их через территориальные воды (ст. 19); 7) прибрежное государство не может принимать на борту иностранного судна, проходящего через территориальные воды, никаких мер для ареста какого-либо лица или производства какого-либо расследования в связи с каким бы то ни было преступлением, совершенным на борту этого судна во время его прохода, за исключением отдельных случаев, указанных в проекте (ст. 20); 8) прибрежное государство не может задерживать проходящее в территориальных водах иностранное судно или изменить его курс с целью осуществления гражданской юрисдикции в отношении какого-либо лица, находящегося на борту этого судна (ст. 21); 9) изложенные выше правила (ст.ст. 15 - 21) применяются также к государственным судам, используемым в коммерческих целях (ст. 22); 10) правила, изложенные в ст.ст. 15 - 18 проекта, применяются к государственным судам, используемым в некоммерческих целях (ст. 23); 11) прибрежному государству принадлежит право ставить проход военных кораблей через территориальные воды под условие предварительного разрешения или уведомления (ст. 24); 12) если военный корабль не соблюдает правил прибрежного государства о проходе через территориальные воды и игнорирует обращенное к нему требование об их соблюдении, прибрежное государство может предложить этому военному кораблю покинуть территориальные воды (ст. 25).

Во время обсуждения утверждалось, что нормы обычного международного права в отношении права мирного прохода развивались не для защиты интересов прибрежного государства, а скорее для защиты иностранных судов, плавающих в его территориальных водах. Кроме того, было выдвинуто требование, чтобы в ст. 15, в которой дается определение права мирного прохода, было четко определено, что термин «судно», включает в себя рыболовные суда [13, р. 13].

Глава советской делегации выступил за признание права мирного прохода иностранных судов через территориальные воды государства, рассматривая это право как одно из необходимых условий нормального международного

мореплавания. Он подчеркнул, что мирный проход невоенных судов, имеющий обычно целью заход в порт, выход из порта или пересечение определенного морского района при следовании судна в заданном направлении, исключает необходимость остановки судна и стоянки его на якоре во время прохода, если только такая остановка или стоянка не вызываются аварией или состоянием погоды и моря, а также предполагает пользование для прохода обычными или объявленными навигационными путями. Эти условия не являются ограничениями мирного прохода. Но они дают возможность государству обеспечивать безопасность плавания иностранных судов в своих территориальных водах и одновременно гарантировать себя от использования этими судами права мирного прохода для целей, не имеющих отношения к проходу, или даже для нанесения прямого ущерба его интересам [13, р. 31-32].

Основные тенденции, проявившиеся в ходе общей дискуссии в комитете в отношении права мирного прохода, нашли свое отражение в многочисленных поправках, которые представили делегации к статьям раздела «Право мирного прохода» проекта, подготовленного Комиссией международного права.

Часть из этих поправок была принята, часть — отклонена. Пункт 3 ст. 15 проекта комиссии, в котором дается определение мирного прохода, был несколько изменен в сторону большей защиты прав прибрежного государства. Дополнительно в статью был включен новый пункт относительно прохода иностранных рыболовных судов. На пленарном заседании конференции за ст. 15 (в конвенции она значится 14-й) в целом было подано 68 голосов при 2 воздержавшихся.

При обсуждении ст. 16, в которой говорится об обязанностях прибрежного государства, было внесено предложение включить новую статью следующего содержания: «Прибрежное государство не должно препятствовать мирному проходу через территориальные воды торговых и других невоенных судов всех национальностей на началах равенства при

условии пользования обычными или объявленными навигационными путями и соблюдения судами правил прохода, установленных прибрежным государством». Однако это предложение было отклонено [13, р. 115].

Статью 20 было предложено дополнить пунктом, предусматривающим необходимость консультации между властями прибрежного государства и консульскими властями государства флага проходящего судна при аресте на борту судна (поправка Греции), и пунктом, согласно которому прибрежное государство не может производить арест на иностранном судне по поводу преступления, совершенного до входа этого судна в территориальные воды (поправка Англии). Эти два пункта были приняты. Статья 20 (19) в целом была единогласно одобрена конференцией. Статья 21 (20) с несущественным изменением также была одобрена единогласно [14, р. 66].

На пленарном заседании конференции по инициативе Дании был поднят вопрос о порядке прохода иностранных военных судов через территориальные воды. Делегация Дании внесла предложение о раздельном голосовании в тексте ст. 24 слова «разрешение». Во время голосования это слово собрало 27 голосов при 45 против и 6 воздержавшихся и, таким образом, было исключено из текста ст. 24.

Согласно оставшемуся тексту ст. 24, для прохода иностранных военных кораблей требовалась только предварительная нотификация (уведомление). В связи с принятием предложения Дании делегации Советского Союза и других стран, а также некоторые страны Азии и Африки заявили, что теперь для них ст. 24 стала неприемлемой и они будут голосовать против нее. В результате последующего голосования ст. 24 не была принята конференцией (за – 43, против – 24, воздержались – 12) [14, р. 67-68].

К ст. 25 югославская делегация внесла поправку о том, чтобы вопрос об ответственности за нарушение военным кораблем правил, установленных прибрежным государством, при проходе через территориальные воды решался дипломатическим

путем. Однако эта поправка не была принята. Комитет и конференция подтвердили текст ст. 25 (23) в редакции комиссии (на конференции за статью голосовало 76 делегаций при 1 воздержавшейся) [14, р. 68].

Таким образом, в конвенции, одобренной конференцией, в разделе, касающемся военных кораблей, осталась одна статья (23), в которой говорится, что, если какой-либо военный корабль не соблюдает правил прибрежного государства, касающихся прохода через территориальные воды, и игнорирует обращенное к нему требование об их соблюдении, прибрежное государство может потребовать от военного корабля покинуть территориальные воды.

Кроме того, в разделе «Право мирного прохода» имеется ст. 17, в которой указывается, что иностранные суда, осуществляя право прохода, должны соблюдать законы и правила, издаваемые прибрежным государством в соответствии с настоящими статьями и другими нормами международного права, в частности законы и правила, относящиеся к транспорту и судоходству.

Следует признать, что при наличии этих двух статей требование прибрежного государства на получение предварительного разрешения на проход иностранных военных судов через его территориальные воды является правомерным.

Теперь остановимся на последней статье проекта — 66 (24), в которой говорится о прилежащей зоне. Эта статья рассматривалась совместно со ст.ст. 1, 2 и 3 проекта, которые касаются правового статуса и пространственного предела территориальных вод.

Как уже указывалось, конференция не смогла достичь соглашения по ст. 3 проекта относительно ширины территориальных вод.

В ст. 66 проекта комиссии говорилось, что в зоне открытого моря, прилежащей к его территориальным водам, прибрежное государство может осуществлять контроль, необходимый для предупреждения и наказания нарушений его таможенных, фискальных или санитарных правил на его территории или в его

территориальных водах. Указанная прилежащая зона не может распространяться далее 12 миль от исходной линии, от которой отмеряется ширина территориальных вод.

К этой статье было внесено более десятка поправок, которые рассматривались одновременно с поправками к ст. 3. Наиболее важными из них были следующие: 1) поправка Колумбии, предусматривавшая осуществление государством в прилежащей зоне контроля в отношении регулирования рыболовства; 2) поправка Польши о том, что государство может принимать в прилежащей зоне меры для предупреждения и наказания нарушений его безопасности; 3) поправка Цейлона о праве государства осуществлять в прилежащей зоне контроль в отношении иммиграции; 4) поправка Югославии о включении в статью нового пункта о том, что, если берега двух государств расположены один против другого или примыкают друг к другу, ни одно, ни другое государство не имеет права, если не достигнуто соглашения об ином, распространять свою прилежащую зону за срединную линию. В результате голосования в комитете поправка Колумбии была отклонена, а поправки Польши, Цейлона и Югославии были приняты. Текст ст. 66 с принятыми поправками был одобрен комитетом (50 голосов – за, 18 – против, 8 воздержались) [13, р. 182].

В проект Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне дополнительно было включено 8 заключительных статей (ст.ст. 25-32), в которых содержатся положения относительно подписания и ратификации конвенции, присоединения к ней, вступления ее в силу, пересмотра ее и др. Неправомерной является ст. 26, ограничивающая круг государств, которые могут стать участниками конвенции.

Конвенция в целом 27 апреля 1958 г. была одобрена на пленарном заседании конференции (61 голос – за, ни одного против, 2 – воздержались) [14, р. 73]. Она была открыта для подписания до 31 октября 1958 г.

В связи с тем, что конференция не достигла соглашения относительно ширины территориальных вод и некоторых других

вопросов, была единодушно принята резолюция, в которой выражалась просьба к Генеральной Ассамблее ООН изучить на своей XIV сессии в 1959 году целесообразность созыва второй международной конференции полномочных представителей для дальнейшего рассмотрения вопросов, которые не были решены данной конференцией.

Несмотря на целый ряд недостатков в работе Женевской конференции, следует признать, что она добилась определенных успехов в области разработки норм международного морского права.

Выработанная на конференции Конвенция о территориальном море и прилежащей зоне представляет собой определенный шаг по пути кодификации и развития международного права в данной области.

Помимо Конвенции о территориальном море и прилежащей зоне конференция приняла Конвенцию об открытом море (27 апреля 1958 г.), Конвенцию о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря (26 апреля 1958 г.), Конвенцию о континентальном шельфе (26 апреля 1958 г.), а также факультативный протокол касающийся обязательного разрешения споров, возникающих в связи с применением и толкованием этих конвенций (26 апреля 1958 г.) и 9 резолюций.

Конвенцию о территориальном море и прилежащей зоне подписали 45 государств. Советский Союз подписал Конвенцию о территориальном море и прилежащей зоне с оговорками, касающимися ст.ст. 20 и 23. Относительно ст. 20 СССР заявил, что государственные суда в иностранных территориальных водах пользуются иммунитетом и поэтому применение к ним мер, упомянутых в настоящей статье, может иметь место лишь с согласия государства, под флагом которого плавает судно. По ст. 23 СССР заявил, что прибрежное государство имеет право устанавливать разрешительный порядок прохода иностранных военных кораблей через его территориальные воды⁸⁸. Такие же оговорки были сделаны при подписании конвенции Украинской ССР и Белорусской ССР.

Установив необходимое единообразие в договорно-правовой регламентации отношений государств в Мировом океане, указанные конвенции стали основными источниками международного морского права. Оценивая итоги конференции, Генеральная Ассамблея ООН в резолюции 1307 (XIII) отметила, что она внесла «исторический вклад в кодификацию и прогрессивное развитие международного права». Эту оценку поддержали все основные группы государств. Положительная оценка итогов конференции не означала, что принятыми ею конвенциями были решены все вопросы международного морского права или что все их положения считались вечными и неизменными. Конвенции получили широкое признание государств, ставших их участниками, положили начало кодификации и прогрессивному развитию современного морского права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колодкин А.Л. Прилежащие морские зоны // Морское право и практика. Информационный сборник. № 3; Вып. 29. – Л.: Мор. транспорт, 1958. С. 65-73.
2. Иванашенко Л.А. Международная конференция по морскому праву // Вопросы международного морского права. Сборник статей / ред.: Горшков Г.С. – М., 1965. С. 10-26.
3. Иванашенко Л.А. Международно-правовой режим открытого моря // Вопросы международного морского права. Сборник статей / ред.: Горшков Г.С. – М., 1965. С. 66-74.
4. Молодцов С.В. Кодификация и дальнейшее развитие международного морского права (К итогам Женевской дипломатической конференции по морскому праву) // Советский ежегодник международного права, 1958. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 327-347.
5. Николаев А.Н. Женевская конференция по морскому праву // Советское государство и право. № 9. – М.: Наука, 1958. С. 51-60.
6. Bothe B. The Geneva International Conference for the Codification of the Law of the Sea // Vestnik Društva LRS za Združene narode. 1958. P. 12-19.
7. Hamilton A. Report on Law of Sea Conferention // External Affairs. 1958. P. 195-202.
8. Dean A.H. UN Conference on the Law of the Sea // Department of State Bulletin, 30 June 1958, p. 1110-1125.

9. Pallua E. Codification et développement progressif du droit international dans la // *Jugoslovenska revijja za medunarodno parvo*, 1958, pp. 178-195.
10. Кузнецов С.О., Аверочкина Т.В. Морське право: підручн. – О.: Фенікс, 2011. 382 с.
11. Боброва Ю.В., Гуцуляк В.Н., Колодкин А.Л. Мировой океан. Международно-правовой режим. Основные проблемы. – М.: Статут, 2007. 637 с.
12. Шемякин А.Н. Современное международное морское право и перспективы его развития: моногр. – О., ОНМА, 2003. 316 с.
13. United Nations Conference on the Law of the Sea, Official records. Vol. III. Geneva, 1958. URL: http://legal.un.org/diplomaticconferences/lawofthesea-1958/vol/english/1st_Cttee_vol_III_e.pdf A/Conf
14. United Nations Conference on the Law of the Sea, Official records. Vol. II. Geneva, 1958. URL: http://legal.un.org/diplomaticconferences/lawofthesea-1958/docs/english/vol_II/1_COVER_Plenary_Mtgs_vol_II_e.pdf
15. Клименко Б.М. Право прохода через иностранную территорию. – М.: Междунар. отношения, 1967. 136 с.

